

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

АЛЕКСАНДР МЕНДЕЛЕВИЧ

Сгорели в танках мои товарищи до пепла, до золы, дотла. Трава, полмира покрывающая, из них, конечно, проросла.

Борис Слуцкий

Эти горькие строки поэта мог повторить о своих товарищах и Александр Менделевич Баренбойм.

Одиннадцать лет, что я проработала под его началом, были самыми счастливыми в моей долгой преподавательской жизни. Много раз я собиралась о нем написать, дала обещание мужу и Ольге Юдовне Ноткиной непременно это сделать, но волнение и боязнь — если бы вдруг Александр Менделевич смог прочитать мой текст о нем, не вызвало ли бы это его ироническую реакцию? — меня останавливали...

И все же острое желание поделиться воспоминаниями об этом замечательном человеке из тех, кого становится все меньше и меньше, возобладало. Мне хочется рассказать о том, что осталось в моей памяти из его рассказов, о том, чему свидетельницей мне посчастливилось быть.

Из консерваторских залов он ушел на фронт и воевал в знаменитой Тацинской танковой дивизии. Каюсь, как-то я по ошибке упомянула не менее легендарную Кантемировскую дивизию, с ней связав его имя.

— Тацинская! Я из Тацинской дивизии, Валечка! — воскликнул он одновременно с гордостью и негодованием. Я бросилась просить прощения, поняв, какую грубую оплошность, задевшую его, допустила.

Именно там, в Тацинской дивизии, Илью Эренбурга (газеты с его статьями, как известно, зачитывались до дыр и никогда не пускались на самокрутки!) "экипаж машины боевой" сделал своим почетным членом (согласие писателя было получено). Можно не сомневаться, что автором этой идеи был Александр Менделевич Баренбойм, который и после войны переписывался с Ильей Григорьевичем. В знаменитых мемуарах "Люди, годы, жизнь" Эренбург описывает эту историю, пишет очень тепло об Александре Менделевиче, вспоминает еще одного члена танкового экипажа — Ивана Чмиля. Для Александра Менделевича — Ванечка Чмиль, только так на протяжении многих лет я слышала это имя и фамилию. Фронтное братство, фронтовая дружба сохранились до конца дней, хоть виделись они нечасто — Чмиль жил в Белоруссии, но радостное сообщение: "Вчера получил письмо от Ванечки Чмиля!" — слышала нередко.

В сражении под Моздоком (если мне не изменяет память, но почему-то запомнился именно Моздок!) Александр Менделевич был, мягко говоря, тяжело ранен. Как-то он рассказывал мне (у нас с ним бывали такие душевные доверительные беседы, которые я с благодарностью вспоминаю), что был безнадёжен, и в госпитале увидел свою медицинскую карту с заключением-приговором — "Exitus". Но вопреки всему после тяжелейших ранений, потеряв на войне глаз и прожив оставшуюся жизнь с дыркой в голове, затянутой кожей, он чудом остался жив. Судьба сохранила его на радость всем тем, кто его знал и любил.

Александр Менделевич знал подлинную цену войне, поэтому и в разговорах, оценках ее терпеть не мог ни чванливого советского офицера, ни лицемерной фальши. Но это была его Война.

И когда сегодня сталкиваешься с подленькими попытками пересмотреть историю, в которой, оказывается, не было никакой Великой Отечественной, а была просто вторая мировая война, когда начинается попытка по-крысиному укусить подлинных героев войны, мол, не был Александр Маринеско героем, а был убийцей, потопившим "Вильгельм Густлов" с совершенно мир-

ными пассажирами, у меня нет права взывать к памяти миллионов погибших, к памяти жертв Освенцима и Дахау, к погибшим в Бабьем Яру или в гетто — в Доманевке, Богдановке, я даже не обращаюсь к судьбам родных и близких, к исковерканному войной нашему детству — моего мужа, моему собственному, к детству моих друзей-сверстников. Я вспоминаю Александра Менделевича и думаю, что эти нынешние подлости, может, были бы самыми страшными из всех перенесенных им ранений...

Никогда не расставаясь со скрипкой, он все же после войны окончил филологический факультет Одесского университета. И это был не случайный выбор — любовь к музыке и словесности во многом определяли его духовную сущность.

После университета он попал "по распределению" в Краснодар. Это было время шаша "борьбы с космополитизмом". Не знаю, застало ли Александра Менделевича еще в Краснодаре "дело врачей", но и "борьбы с космополитизмом" было более чем достаточно... Александр Менделевич рассказывал, что эти последние годы сталинского "ледникового периода", особенно в Краснодаре, были так невыносимы, что казалось, ни жить, ни дышать этим тлетворным воздухом невозможно. И, по его словам, от мрачных мыслей, толкавших его к последнему поступку в этой жизни, и от этого поступка спасли письма Зои Антоновны Бабайцевой. Он был ее студентом в университете, они переписывались. Зоя Антонова понимала, в каком состоянии он находится. Естественно, я не знаю, что именно писала Александру Менделевичу Зоя Антонова, но его слова запомнила навсегда: "Это были письма подлинной русской интеллигентки, которые спасли мне жизнь".

Я вернулась из Ленинграда после университета и искала работу. Никита Алексеевич Брыгин, занимавший в то время какой-то важный пост, уговаривал меня идти в городское управление культуры. Но я и чиновничья работа — вещи несовместные. Видя мою растерянность, наш друг Алеша Иванов, спортсмен и журналист, сказал: "Надо тебя познакомить с Сашей Баренбоймом". Раз с Сашей, то, очевидно, это наш сверстник, подумала я. Так я познакомилась с Александром Менделевичем, а он привел меня в театральное училище.

Я попала в атмосферу доброжелательности, увлеченности своей работой, взыскательности, которая, несомненно, создавалась в первую очередь Александром Менделевичем.

И еще одна особенность училища тех лет — красавицы! В Одессе тогда говорили: "Самые красивые студентки — в театральном училище". И это была сущая правда. Но и мои коллеги, еще молоденькие преподавательницы, студенткам не уступали. Александр Менделевич ценил и эту привлекательную особенность нашего училища. Еще бы! Ведь у него был свой высокий образец красоты — его жена, Дагмара Петровна Каспржак, женщина с иссиня-белой седой, подчеркивающей изумительную кожу ее молодого лица, с умными глазами и легкой заворачивающей улыбкой.

(Еще до знакомства с Дагмарой Петровной я встречала на выставках, в филармонии молодую красивую женщину с такой же ранней, с такой же волшебной в своей сдержанности сединой и не знала, кто она. Однажды мы шли с мужем по Пушкинской, навстречу шла моя "прекрасная незнакомка". Муж поздоровался с ней, а я воскликнула: "Как, ты знаешь эту женщину?! Кто она?!". "Это Зоя Ивницкая, жена Миши Ивницкого". Этот короткий разговор состоялся еще до того, как я начала работать в театральном училище. Но фамилия — Ив-

ницкий — мне была знакома. Я до сих пор помню даже не первый спектакль художника Михаила Ивницкого, а привлекшую меня работу на какой-то выставке в Художественном музее (почти полвека тому назад!), эскиз декорации: непроливаемая стена, и на ее фоне беззащитное одинокое деревце. Казалось бы, обыденный сюжет, но в нем был драматизм и безысходность, выделявшиеся на фоне бравадного официоза. А потом я узнала, какими близкими друзьями Александра Менделевича были Ивницкие, с каким восхищением он относился к таланту обоих.)

Его обаяние, умение ценить талантливых людей притягивали в училище многих. Кто только не побывал в те годы в училище, щедро (без каких-либо гонораров!) откликаясь на приглашения Александра Менделевича! Булат Окуджава и Зиновий Гердт, Анатолий Эфрос и Ольга Яковлева, Давид Боровский и Татьяна Сельвинская — можно долго перечислять легендарные имена.

Строка Пастернака "Талант — единственная новость, которая всегда нова", была и его, Александра Менделевича, убеждением и нравственным приоритетом. Он дружил с талантливыми людьми, я уже упомянула прекрасную семью Ивницких, можно вспомнить, с каким восхищением он относился к Леону Яковлевичу Альшицу, и был счастлив, когда ему удалось уговорить Леона Яковлевича, загруженного работой в Русском театре, еще и преподавать в училище. Восхищался энциклопедичностью знаний Константина Кирияковича Стамерова в истории культуры, в истории костюма, тяжело переживал его уход, радовался вышедшей посмертно уникальной книге Стамерова по истории костюма и горевал, что сам автор так и не увидел ее при жизни.

Я уже год работала в училище, и весь год Александр Менделевич мне обещал — вот, мол, скоро из Мухинского училища вернется Вета Бабынина, и вы с ней непременно подружитесь, и показывал рисунки Веты в письмах к нему — трогательный эрдель-терьер то с веселым, то с грустным выражением "лица". Это были Ветины автопортреты, в которых она делилась с Александром Менделевичем своими настроениями. Наконец свершилось, Вета начала работать в училище, и мы подружились с ней мгновенно.

Я часто забегала в училище даже в те дни, когда у меня не было занятий. Однажды, приехав, я застала скучающую Вету, у нее было "окно". Мы решили преподнести Александру Менделевичу сюрприз. Я забралась под его стол, а Вета побежала в аудиторию, постучала и закричала: "Александр Менделевич, срочно к телефону — управление культуры вызывает!". Александр Менделевич, влетел в нашу маленькую преподавательскую, где под его "начальственным" столом, задыхаясь от смеха, сидела я, закричал: "Ну, почему трубка на телефоне? Что ты по глупости меня отвлекаешь от занятий?!". Тут из-под стола высочила я, мы с Ветой (две преступницы!) повисли с обеих сторон на нем, скуля: "Мы хотели вас обрадовать!". Александр Менделевич в гневе еще грозил нам кулаком, но улыбка на его лице подсказала — мы прощены!

У всех свои ценности. В наши дни высокие чиновники доставляют себе радость — покупают каждые три месяца автомобили новой модели за миллион гривен. Наверное, радуются. А по мне эта бесстыжая радость — словно набил брюхо и захрапел от удовольствия.

Я вспоминаю иную радость. В шестидесятые годы в полукруглом здании, там, где "Дом книги", со стороны Греческой площади был его филиал — маленький магазинчик "Поэзия". Его хозяйкой и душой была Лидия Александровна, Лидуся, как звали ее многочисленные друзья. Выход каждой книги люби-

мых поэтов был счастливым событием. Но книг было мало, и бедной Лидуся приходилось решать головоломки, как эти книги отдать в жаждущие руки, чтобы никого не обидеть, но все равно книг на всех не хватало. Но если уж тебе в этот раз судьба улыбнулась — счастьем не было конца.

Александр Менделевич вообще ходил быстро, в тот день он буквально летел в училище, держа в руках сокровище — это был синий том Марины Цветаевой из большой серии "Библиотеки поэта". Если на протяжении стольких лет я помню, как он светился от счастья, поглаживая книгу, открывая ее наугад, читая вслух стихи Марины, то с чем, с какими благами может сравниться эта Радость?!

Педагогом, преподавателем он был от Бога. Я иногда просила разрешения посидеть у него на занятиях, чтобы насладиться его речью, тем упоением, с каким читал он русскую литературу.

Александр Менделевич приходит на перемену сияющий: "Я сегодня читал Лермонтова, а Генка Васильев спрашивает: "А на каком языке звезда с звездой говорит?". Я ему поставил "пятерку" за вопрос!"

Витю Стадниченко после училища забрали в армию. Он пишет письма Александру Менделевичу, тот ему отвечает (он переписывался со многими своими учениками!). Однажды Александр Менделевич рассказывает: "Получил письмо от Вити, он ко мне обращается: "Дорогой Мэтр!". Я ему ответил: "Дорогой КилоМэтр!" — Витя был очень высоким и тоненьким, как тростник..."

Он был разным — романтиком, лириком, но когда речь шла о дорожке ему вещах, таких, как "благородство и достоинство", порядочность, в их защите он был непоколебим. Часто его вырвали юмор и ирония. Не случайно он был участником и соавтором знаменитых "капустников" в Доме актера. Валерий Хаит вспоминает, как однажды в Доме актера один за другим выступали остролисты. Александр Менделевич после очередного выступле-

ния сказал: "Мы слышали много остроумных людей. Дайте послушать умного человека!"

Нужно ли говорить, что ученики его обожали. Сколько сердечных тайн было доверено только ему, сколько его учеников находили приют в радушном доме Александра Менделевича и Дагмары Петровны! Дом — громко сказано! — комната в коммунальной квартире на Канатной. Я не ошибусь, если скажу, что ни одного завтрака, заботливо уложенного Дагмарой Петровной на его долгий, безразмерный рабочий день, он не съел один. Половина завтрака непременно отдавалась кому-нибудь из вечно несъятых студентов.

Сколько человек, его знавших, учившихся у него, работавших с ним, благодарно и с любовью вспоминают его имя на разных континентах, в разных странах, можно только догадываться, но то, что их великое множество, сомнению не подлежит.

Встречаю несколько лет назад в Филармонии Лидочку Стоянову, теперь Лидию Георгиевну Исаенко. Лидочка говорит: "Как бы радовался Александр Менделевич, узнав, что я окончила университет!". Еще как бы обрадовался!

Я так давно собиралась написать об Александре Менделевиче, что даже придумала заголовок из Мандельштама: "Жил Александр Сердцевич..."

Эти стихи всегда, думаю, не только у меня связывались с Александром Менделевичем, настоящим "Александром Сердцевичем", "еврейским музыкантом". Как-то в разговоре с Аней Мисюк пожаловалась: "Хочу написать об Александре Менделевиче, даже заголовок придумала, но вот прочла замечательную статью Алены Яворской о Сандро Фазини с тем же заголовком...". Умница Мисюк посмотрела на меня и сказала: "Назови просто — Александр Менделевич". Спасибо ей за совет. Нужно ли что-то придумывать, когда полны достоинства слова? — Баренбойм.

Александр Менделевич.